

Павел Клим был невероятно известным в Европе и Америке скрипачом и композитором. Родом из России, он взял в руки смычок еще в пятилетнем возрасте. Сегодня его имя, возможно, и не гремело на каждом углу так, как имена поп-идолов, но стоило ему заявить о концерте, как влиятельные богачи со всего мира бросали дела и слетались в театр, чтобы занять ложу. В наше время массовая культура безраздельно принадлежала поп-музыке, однако классика ничуть не утратила своего величия. И хотя Юань Шан считал, что в искусстве не должно быть деления на касты, в глазах большинства классическая музыка оставалась эталоном утонченности и роскоши. Её ценители принадлежали преимущественно к высшему обществу, и эти обитатели вершины социальной пирамиды задирали планку входа в свой круг всё выше. Зачастую любители академической музыки откровенно презирали популярные жанры.

Подобный снобизм был лишен здравого смысла, но отлично продавался. Журнал АМ умудрялся годами удерживать лидерство в индустрии именно благодаря тому, что разбавлял рецензии на поп-хиты обзорами классических шедевров. Разумеется, в редакции такого издания не могло быть посредственных инструментов.

Юань Шан провел пальцами по полированному ярко-красному корпусу рояля Бёзендорфер. Клавиши сопротивлялись нажатию с приятным, чуть тяжелым усилием — именно так, как он любил.

Тем временем Павел открыл свой футляр. Его взгляд мгновенно потеплел. Юань Шан подошел ближе, заглянул внутрь и не сдержал восхищенного вздоха:

— Неужели работа самого великого Абрахама? Красный лак... Номер три или пять?

Павел удивленно округлил глаза:

— Её зовут Джули. Номер ноль-ноль-три, моя личная гордость. Как ты узнал?

Юань Шан с улыбкой коснулся дерева:

— У меня когда-то была точно такая же, красно-коричневая. Семья купила её на аукционе в Гонконге. Номер ноль-ноль-четыре. Не удивлюсь, если их вырезали из одного ствола.

Глаза Павла загорелись совершенно иным огнем. В кругу профессиональных музыкантов инструменты такого класса — не просто роскошь, а недостижимая мечта. Скрипки мастера Абрахама, уцелевшие до наших дней, исчислялись единицами. Их продавали только на закрытых аукционах, и цена за них мгновенно взлетала до астрономических высот. Обычный человек о подобном даже не слышал. Даже такой обеспеченный маэстро, как Клим, берег свою Джули пуще глаза, ухаживал за ней сам и никому не позволял прикасаться.

То, что этот красивый восточный юноша не просто узнал редчайший инструмент, но и назвал точный серийный номер родственной скрипки, в корне меняло дело. Это говорило о его исключительном происхождении. Перед Павлом стоял не бедный выскочка, а человек с

серьезным бэкграундом. К тому же, владение подобным шедевром подразумевало и соответствующий уровень мастерства — на таких скрипках дилетанты не играют.

Обладание родственными инструментами от одного мастера рождало странное чувство близости — будто они, сами того не зная, женились на сестрах-близнецах. Павел ощутил внезапный прилив дружеской симпатии и, проявив невиданную для него щедрость, протянул скрипку юноше:

— Хочешь попробовать?

Стоявшая рядом Ева едва ли не лишилась дара речи. Как бывшая жена, она слишком хорошо помнила, как Клим дрожал над Джули, оберегая её от чужих прикосновений ревнивее, чем собственную честь. Ей порой казалось, что эту деревянную коробку он любил больше, чем её саму. И надо же — сегодня он так легко отдает её какому-то малознакомому парню!

— Можно? — Юань Шан тоже удивился. Великие исполнители редко позволяли кому-то прикасаться к своим инструментам.

— Я прячу её от идиотов, которые могут её испортить, — рассмеялся Павел. — Но раз у тебя в руках её младшая сестра, ты определенно не из их числа.

Ева, мысленно причисленная к идиотам, лишь молча проглотила обиду.

Юань Шан не стал скромничать и принял скрипку. Ощувив на ключице знакомую тяжесть и изгиб корпуса, он на мгновение замер, поддавшись ностальгии. Инструмент под номером ноль-ноль-четыре когда-то подарила ему покойная мать. Он вырос с этой скрипкой в руках, дорожил ею безмерно, но из-за прогрессирующей болезни был вынужден запереть её в сейфе старого особняка, где она и пылилась по сей день.

Едва смычок коснулся струн, Ева застыла. Легкомысленный, праздный юноша мгновенно исчез. Перед ней стоял совершенно чужой, отрешенный от мира человек. Он держал гриф так бережно, словно обнимал возлюбленную. Его длинные, изящные пальцы мягко прижали струны, а светлая кожа рук выигрышно контрастировала с глубоким красно-коричневым лаком.

Профессиональное чутьё заставило Еву мгновенно прийти в себя. Она подскочила к застывшему фотографу и негромко, но резко скомандовала:

— Быстро зови всех остальных! Начинаем съемку!

Первая же чистая, протяжная нота заставила всех присутствующих в студии вздрогнуть. Скрипка запела — легко, округло, без малейшего напряжения. Этот парящий, хрустальный звук омывал душу, точно родниковая вода, заставляя сердце сжиматься от щемящей тоски.

В мелодии сквозила печаль, переплетенная с бесшабашной дерзостью. Она казалась смутно знакомой. Через несколько секунд Павел потрясенно выдохнул:

— Это же вступление к «Погоне»?

Песня «Погоня» сейчас гремела на всех радиостанциях. Павел влюбился в её мелодию с первого прослушивания, и именно поэтому, узнав, что его бывшая жена собирается брать интервью у создателя этого хита, бросил все дела и примчался в редакцию. Больше всего в песне его зацепило именно вступление — те самые несколько секунд чистой инструментальной магии. В музыкальных кругах эту тему превозносили; пока широкая публика восторгалась яростным, взрывным темпом основной части, профессионалы сокрушались, что этот гениальный фрагмент длится так недолго. Павел, как композитор, прекрасно понимал, как тяжело создать нечто подобное. Многие авторы всю жизнь искали эту искру вдохновения, чтобы написать хотя бы несколько секунд шедевра. Для юноши возраста Юань Шана сотворить такое уже было прыжком выше головы.

Маэстро прикрыл глаза, готовясь насладиться этой мимолетной красотой — осколком так и не созданного идеала. Однако скрипичный пассаж совершил изящный вираж и плавно, без малейшей запинки, развился дальше.

Это была совершенно новая музыка. Медленная, парящая, она органично продолжала тему вступления, доказывая, что перед ними — единое, цельное полотно. Павел приоткрыл рот, собираясь вскрикнуть от изумления, но вовремя сдержался, боясь нарушить волшебство. В студии воцарилась мертвая тишина. Был слышен лишь голос скрипки Юань Шана, ушедшего в свой внутренний мир.

Тема действительно перекликалась с «Погоней», но характер у неё был совершенно иной. Струны изливали нежность, пропитанную невыразимой грустью. Простые на первый взгляд переходы делали композицию объемной и неуловимой, точно ветер, несущий в себе едва различимый аромат. За ним хотелось следовать, его хотелось догнать.

Но воздух нельзя поймать руками, и эта тщетность рождала светлую печаль. Тоскливое затишье длилось недолго — темп внезапно ускорился. Словно путник, переведя дыхание, вновь обрел цель и бросился вперед. Ритм стал упругим, радостным и стремительным. Музыка захватывала, будоражила кровь, заставляя едва ли не пуститься в пляс. Ева прижала руку к груди, чувствуя, как растворяется в этом безупречном исполнении. Её сердце подчинялось воле музыканта, то замирая, то пускаясь вскачь вслед за порхающим смычком. Ей вспомнилась собственная юность: как рушились мечты, как она раз за разом поднималась после болезненных ударов судьбы, сколько людей прошло через её жизнь — кто-то сломался и исчез, кто-то добился успеха. На этом тернистом пути пали многие, но она выстояла. И когда в одно прекрасное утро её утвердили на должность главного редактора АМ, мир вокруг наконец обрел краски.

Огненный вихрь утих, и мелодия вновь поплыла тонкой, невесомой лентой, нежно обвивая слушателей. Звуки скрипки уносились всё выше и дальше, тая в вышине. Ей хотелось удержать хотя бы отзвук этой красоты, но в тишине раздался лишь тихий, едва уловимый вздох.

Юань Шан опустил смычок. Спустя мгновение его лицо снова озарила привычная мягкая улыбка. Он ласково провел ладонью по грифу:

— Прекрасный инструмент. Богатство обертонов поражает, ничуть не хуже моей Джули.

—... — Павел шмыгнул носом и торопливо смахнул слезу со щеки, попытавшись улыбнуться. — Ей определенно понравилось звучать под твоими пальцами. Она долго ждала такую музыку.

Ева отвернулась, чтобы незаметно вытереть слезы. Оглядевшись, она поняла, что у половины сотрудников в студии глаза тоже были на мокром месте. В конце концов, в таком престижном издании случайных людей не держали, и каждый из них прошел свой тяжелый путь к вершине.

Справившись с нахлынувшими чувствами, Ева вернулась к работе. В её голосе теперь звучало неподдельное уважение:

— Господин Юань Шан, эта композиция кажется такой знакомой... Она создана на основе вступления к вашей «Погоне»?

Юань Шан кивнул:

— Можно сказать и так. Часть этой темы вошла в «Погоню», но это самостоятельное произведение.

Вдруг фотограф, не отрываясь от видеоискателя, растерянно пробормотал:

— Шеф, простите... Я совсем забыл про съемку. Заслушался. Успел сделать всего пару кадров в самом начале.

Ева строго посмотрела на него. Её ледяной взгляд медленно скользнул по притихшей команде: осветители, декораторы, визажисты — все виновато опустили головы.

Она забрала у фотографа камеру и пролистала снимки. Музыка фотографии передать не могла, но те несколько кадров, где Юань Шан только настраивался на игру, получились невероятно живыми и глубокими. Ева вздохнула с облегчением. К тому же, она сама заслушалась не меньше подчиненных, так что отчитывать их было бы лицемерием.

— Ладно, — примирительно сказала она. — У нас все равно пишется бэкстейдж на видео. Хороших кадров хватит для материала.

За это короткое время Павел окончательно признал в юноше родственную душу. Он увлеченно расспрашивал Юань Шана о тонкостях ухода за инструментами, показывал ему скрытые клейма на корпусе Джули, и вскоре они, позабыв обо всем, уселись за рояль. Студию

заполнили мощные, взрывные аккорды Второго концерта Павла Клима. Музыканты играли в четыре руки, упиваясь процессом и не обращая внимания на окружающих. Ева, глядя на них со стороны, невольно улыбнулась. Молодой человек, который минуту назад казался недостижимым и одиноким божеством, сейчас смеялся как обычный мальчишка. В его движениях сквозила легкая, хищная грация. Сидя рядом с растрепанным, вечно небрежным маэстро, он выглядел на удивление гармонично и эффектно.

Никто из персонала не решался нарушить эту идиллию. Декорации меняли бесшумно. Фотограф работал молча, без своего привычного суетливого шума — перед лицом истинного таланта даже самые прожженные циники невольно проникались благоговением.

Когда финальный аккорд затих, Павел, чья страсть к клавишным обычно была умеренной, почувствовал невероятный душевный подъем. Он крепко обнял юношу:

— Через четыре дня у меня концерт. Придешь?

Юань Шан улыбнулся:

— Послушать вас вживую? С удовольствием. О таком можно только мечтать.

— Я зову тебя не в ложу, — Павел серьезно посмотрел ему в глаза. — Я официально приглашаю тебя разделить со мной сцену.

"Значит, хочет, чтобы я сыграл с ним... — размышлял Юань Шан, прикидывая в уме финансовую сторону вопроса. — Интересно, за это заплатят?"

Поскольку Юань Шан обладал определенной свободой в выборе проектов, он с радостью согласился поддержать друга. Вскоре ассистент Клима принес контракт. Сунь Ханцин, не понимавший по-английски ничего, кроме слова «АМ» на обложке, молча наблюдал, как его подопечный ставит подпись. Лишь на улице, когда Юань Шан объяснил ему суть соглашения, менеджер окончательно потерял связь с реальностью. Его и без того перегруженная за последние дни психика дала сбой.

Ева лично проводила гостей до дверей. Её подчеркнутое дружелюбие и уважение заставили случайных прохожих сворачивать шеи, пытаясь угадать, кто этот статный восточный юноша, удостоившийся такого приема. Возле здания, как всегда, дежурили папарацци. Заметив главного редактора АМ в компании незнакомца, они принялись неистово щелкать затворами. Даже если этот кадр не потянет на сенсацию, он отлично закроет пустующую колонку светской хроники.

Поездка Юань Шана в Америку не была секретом, и китайские СМИ пристально следили за его

перемещениями. Вскоре на родине прогремела новость: «Юань Шан снимается для легендарного американского журнала АМ!» В китайском сегменте интернета буквально разверзлась буря.

Однако официального подтверждения от агентства не поступало, а большинство обывателей слабо верили в международный успех соотечественников. Слишком часто китайские звезды средней руки прибегали к дешевым трюкам ради иллюзии востребованности за рубежом. Буквально пару месяцев назад одна известная актриса уверяла всех, что приглашена на престижную кинопремию. Несколько недель её пиарщики бомбили сеть пафосными релизами, а в день мероприятия заявили, что у звезды случилось расстройство желудка, из-за чего она не смогла выйти на красную дорожку. Позже обман вскрылся, и бедняжка стала посмешищем всей страны.

Для ценителей музыки АМ был непререкаемым авторитетом. Нашим соотечественникам казалось невероятным, что вчерашний дебютант мог заинтересовать столь солидное западное издание. На форумах тут же активизировались диванные эксперты, рассуждающие о «дешевом самопиаре выскочек». Антифанаты радостно ухватились за этот повод, пытаясь уличить Юань Шана во лжи. Они дотошно разбирали смазанные снимки папарацци, доказывая, что женщина на фото — вовсе не Ева, а здание на заднем плане не имеет отношения к редакции. Желающих поверить в грязный скандал всегда находится больше, чем тех, кто готов искренне порадоваться чужому успеху.

Сунь Ханцин выложил в Вейбо снимок, где Юань Шан сидел за роялем (предварительно замазав фон), и добавил пару нейтральных фраз. Буквально через полчаса пост взлетел в топ, а в комментариях разверзся настоящий ад.

Адептка Вселенской Красоты: «А-а-а-а, Юань Шан нереальный красавец! Как он играет! А эти руки! Боже, я таю! []»

Цветик-Семицветик: «Эх, а я-то думал, он всерьез занимается музыкой. Оказывается, тоже скатился в дешевку.»

live: «Шоу-бизнес — это сточная канава... Очень прошу команду пиарщиков: спуститесь на землю. Не губите талантливого парня дешевым хайпом.»

Любитель Спелых Арбузов: «С чего вы вообще взяли, что это хайп? Жаба душит, что у кого-то все хорошо? Аж через экран так и брызжет желчь.»

live: «Фанатики верят во все подряд. Действительно, глупцов не переубедишь [Улыбочка].»

Сунь Ханцин устало закрыл приложение. Споры в комментариях доходили до абсурда: люди умудрялись находить следы фотошопа даже на абсолютно чистых исходниках. Доказывать что-либо сейчас было бессмысленно, оставалось лишь ждать официального релиза. В такие моменты менеджер искренне завидовал спокойствию Юань Шана, который практически не заглядывал в сеть.

Юань Шан стоял перед зеркалом в гримерной. На нем был великолепный фрак от кутюр, который Павел лично помог ему достать у культового модного дома. Идеальный крой подчеркивал узкую талию и безупречные пропорции тела. Юань Шан неторопливо втирал крем в кожу рук. Менеджер, который был на голову ниже артиста, завороченно наблюдал за плавными движениями его длинных пальцев.

— Ну как? — Юань Шан обернулся и заговорщически подмигнул. — Смертельный номер?

—... — Сунь Ханцин лишь шумно выдохнул.

Действительно, отрицать очевидное было глупо. За время репетиций с классическими музыкантами Юань Шан изменился. В его облике появилась царственная вальяжность и благородный лоск, свойственный потомственной аристократии.

Сунь Ханцин бережно расправил подол фрака подопечного, смахнул невидимую пылинку с манжеты. В этот момент дверь гримерной открылась, и вошла элегантная Ева с роскошным букетом цветов.

Завидев Юань Шана, она на секунду застыла, а затем с мягкой улыбкой протянула цветы:

— Господин Юань Шан, пусть этот вечер принесет вам триумф.

Истинная женственность не увядает с годами. Несмотря на то, что Еве было уже под пятьдесят, Юань Шан с глубоким почтением принял букет и, коснувшись губами её ладони, ответил:

— Благодарю вас. Ваше присутствие здесь — лучшая поддержка, о которой я мог только мечтать.

Даже понимая, что это лишь дань вежливости, Ева не смогла сдержать счастливой улыбки. В зрительный зал она шла с легким румянцем на щеках. Сосед по ряду, узнав известного редактора, вежливо поздоровался и заговорщически спросил:

— Говорят, сегодня у Клима будет особенный гость? Вы случайно не знаете, кто это?

Ева загадочно улыбнулась:

— О, это потрясающе талантливый и очень красивый юноша. Поверьте, вы будете очарованы.

Второй концерт Павла Клим по праву считался вершиной его творчества. Стоило прозвучать первым аккордам, как в зале воцарилась абсолютная тишина — искушенная публика мгновенно отбросила свой привычный снобизм. Занавес поднялся. Павел стоял в центре сцены в окружении оркестра, полностью растворяясь в музыке. Однако внимательные зрители тут же заметили странную деталь: на сцене появился инструмент, которого там быть не должно — рояль.

В партитуре этого произведения партия фортепиано отсутствовала вовсе. Вспомнив недавние слухи о приглашенном госте, публика пришла к выводу, что за клавиши сядет кто-то из великих. Но кто? Гарри Вакс? Или Боман? Люди перебирали в уме имена живых легенд, но никто из них не подходил на роль близкого друга Клим.

Вдруг скрипичная тема резко прервалась, сменившись мощным, грозным пассажем оркестра.

Мелодия взорвалась яростным, штормовым ритмом. Зал замер от неожиданности. Это была не оригинальная версия концерта — в неё вплелись новые, куда более сложные и драматичные переходы. Звучание соло-инструмента стало агрессивным и масштабным, точно рев настигающего цунами. Напряжение нарастало, музыка затапливала зал, не давая вздохнуть, и на самом пике этой звуковой бури внезапно оборвалась.

Слушатели затаили дыхание. В этот момент Павел опустил смычок и посмотрел в глубь сцены.

Из-за кулис неторопливо вышел высокий, стройный молодой человек. Безупречный фрак сидел на нем как влитой. Под сотнями оценивающих взглядов он держался удивительно спокойно и непринужденно. Скользнув мягким взглядом по залу, он обменялся понимающей улыбкой с Климом, отчего сердца некоторых дам в партере забились чаще. Юноша подошел к роялю, изящным движением расправил фалды фрака и сел за инструмент.

«Молодой? Из Азии?! Кто это такой?» — пронеслось по рядам.

Но спрашивать было не у кого. Клим вновь вскинул скрипку, оркестр замер в предвкушении. На мгновение воцарилась звенящая тишина, которую нарушил первый, глубокий удар по клавишам.

Словно прорвало плотину — густой, насыщенный звук рояля хлынул в зал, заполняя каждую щель легким и светлым потоком. В ту же секунду грянул оркестр, и скрипка Павла возобновила свой безумный бег. Слушатели наконец смогли выдохнуть, потрясенные этим грандиозным созвучием.

Пальцы пианиста порхали по клавиатуре с такой скоростью, что сливались в единое облако. Он виртуозно вел свою партию, ведя диалог со скрипкой Клим. Они понимали друг друга без слов, шаг за шагом возводя музыкальный замок к сияющей вершине. Некоторые зрители дрожали от переполнявших их эмоций. И на самом пике этого неистового экстаза прозвучали три финальных, тяжелых аккорда. Наступила тишина.

Оркестранты выглядели изможденными, но счастливыми — это выступление потребовало от них полной отдачи. Павел опустил смычок, перевел дух и, тепло улыбнувшись Юань Шану, повернулся к залу для поклона.

Юань Шан поднялся и поклонился вместе с ним. Секундная тишина взорвалась овациями такой силы, что, казалось, задрожал потолок театра.

Зрители не кричали и не свистели — они молча поднялись со своих мест, аплодируя стоя. Для этой консервативной публики подобный жест был высшей степенью признания таланта.

Ева, утирая слезы, хлопала вместе со всеми. Шквал аплодисментов не стихал. Вокруг уже вовсю шептались, пытаясь разгадать тайну прекрасного пианиста. И вдруг в толпе раздался неуверенный голос:

— Послушайте, а ведь эти вплетения в середине... Вам не кажется, что они очень похожи на ту безумно популярную китайскую песню?

— Да-да, я тоже поймал себя на этой мысли! «Погоня», верно? Партия рояля в одном месте один в один повторяет её вступление!

— Я знаю, кто это! — воскликнул один из зрителей азиатской внешности, внезапно прозрев. — Я видел клип! Это же Юань Шан, тот самый китайский певец и композитор! Это точно он!

<http://bllate.org/book/20476/2161815>